

НА КРЫЛЬЯХ ЛЮБВИ

Барбара Картленд

Нежданное
счастье

КЛУБ
СЕМЕЙНОГО
ДОСУГА

На крыльях любви

Барбара Картленд
Нежданное счастье

Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга»

2013

УДК 821.111
ББК 84(4ВЕЛ)

Картленд Б.

Нежданное счастье / Б. Картленд — Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга», 2013 — (На крыльях любви)

ISBN 978-1-499303-72-8

Во дворец Титания попала как служанка своей кухни Софии — невесты кронпринца маленькой средиземноморской страны. Титания тоскует по Англии, она не может сдержать слезы, получая грустные письма из дома. Единственным человеком, который захотел утешить красавицу, оказался сам король. Девушка считала его надменным и замкнутым гордецом, но вскоре поняла, что он добр, благороден и очень одинок. И когда король оказался в смертельной опасности, Титания делает все, чтобы спасти его. И понимает, что влюблена...

УДК 821.111
ББК 84(4ВЕЛ)

ISBN 978-1-499303-72-8

© Картленд Б., 2013
© Книжный Клуб «Клуб Семейного
Досуга», 2013

Содержание

«Розовая серия» Барбары Картленд	6
Глава первая	7
Глава вторая	18
Конец ознакомительного фрагмента.	26

Барбара Картленд

Нежданное счастье

© Cartland Promotions, 2013

© DepositPhotos.com / Tihon6, OleksandrKolos, обложка, 2017

© Shutterstock.com / creativepro, Jiffy Avril, horiyan, обложка, 2017

© Hemiro Ltd, издание на русском языке, 2017

© Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга», перевод и художественное оформление, 2017

* * *

Все персонажи и ситуации в книге вымышленные и никак не связаны с реальными людьми или событиями

Титания пребывала в отчаянии.

На следующий день король не появился, дабы, по своему обыкновению, отправиться с ней на верховую прогулку, поэтому пришлось довольствоваться обществом Дария. Она не решилась расспросить шталмейстера, почему в семь часов утра короля не оказалось на месте.

Под седлом у нее шла горячая норовистая лошадь, на которой она не ездила прежде, так что вскоре она начала получать удовольствие от прогулки, но все-таки это было совсем не то, чем когда она каталась вместе с королем.

После полудня, когда Софи удалилась по своим делам, Дарий пригласил ее в библиотеку, где в этот час никого не было.

Титания выбрала для себя несколько книг, решив, что они развлекут ее, но почему-то мыслями она то и дело возвращалась к королю.

Она задавалась одним и тем же вопросом – как она ухитрилась обидеть его?

На следующий день все повторилось, и вечером она вынуждена была признаться себе, что ужасно скучает по королю.

Лишь ценой невероятных усилий ей удалось удержаться от слез.

«Я хочу быть рядом с ним, я хочу разговаривать с ним, – твердила она себе. – Я могу вспомнить очень многое, что, без сомнения, поможет ему в работе над книгой».

Но темнота не внимала ее мольбам.

Король же будто исчез без следа!

«Розовая серия» Барбары Картленд

Барбара Картленд была необычайно плодотворной писательницей – автором бесчисленных бестселлеров. В общей сложности она написала 723 книги, совокупный тираж которых составил более миллиарда экземпляров. Ее книги переведены на 36 языков народов мира.

Кроме романов, ее перу принадлежат несколько биографий исторических личностей, шесть автобиографий, ряд театральных пьес, книги, которые содержат советы, относящиеся к жизненным ситуациям, любви, витаминам и кулинарии. Она была также политическим обозревателем на радио и телевидении.

Первую книгу под названием «Ажурная пила» Барбара Картленд написала в возрасте двадцати одного года. Книга сразу стала бестселлером, переведенным на шесть языков. Барбара Картленд писала семьдесят шесть лет, почти до конца своей жизни. Ее романы пользовались необычайной популярностью в Соединенных Штатах. В 1976 году они заняли первое и второе места в списке бестселлеров Б. Далтона. Такого успеха не знал никто ни до нее, ни после.

Она часто попадала в Книгу рекордов Гиннесса, создавая за год больше книг, чем кто-либо из ее современников. Когда однажды издатели попросили ее писать больше романов, она увеличила их число с десяти до двадцати, а то и более, в год. Ей тогда было семьдесят семь лет.

Барбара Картленд творила в таком темпе в течение последующих двадцати лет. Последнюю книгу она написала, когда ей было девяносто семь. В конце концов издатели перестали поспевать за ее феноменальной производительностью, и после смерти писательницы осталось сто шестьдесят неизданных книг.

Барбара Картленд стала легендой еще при жизни, и миллионы поклонников во всем мире продолжают зачитываться ее чудесными романами.

Моральная чистота и высокие душевные качества героинь этих романов, доблесть и красота мужчин и прежде всего непоколебимая вера писательницы в силу любви – вот за что любят Барбару Картленд ее читатели.

Каждый из нас может испытать счастье и радость любви, как король, так и последний бедняк.

Барбара Картленд

Глава первая

1888 год

Герцог Старбрук завершил молитву, и слуги один за другим вышли из столовой.

После того как они удалились, члены семейства расселись за столом, где их уже ждал завтрак, а дворецкий и двое лакеев принялись прислуживать им.

Вдруг дверь отворилась, и порог комнаты боязливо переступила молодая девушка.

Она была невысокого роста, стройная и очень красивая, но сейчас на лице у нее были написаны тревога и страх.

Подойдя к герцогу, она наклонилась, чтобы поцеловать его в щеку.

– Почему тебя не было на молитве, Титания? – резко спросил он.

– Прошу прощения, дядя Эдвард, но меня задержали, когда я возвращалась с верховой прогулки.

– Задержали? – подала голос герцогиня Старбрук с другого конца стола. – Очень подходящее слово, чтобы скрыть за ним свое легкомыслие и беспечность в обращении со временем.

– Мне очень жаль, тетя Луиза, – пролепетала Титания.

– Еще бы тебе не сожалеть, – отозвалась герцогиня. – Еще одна такая выходка, и я вынуждена буду просить твоего дядю запретить тебе конные прогулки по утрам. В любом случае это лишь напрасная трата времени.

Титания испуганно ахнула.

Впрочем, садясь за стол, чтобы приступить к завтраку, она в глубине души признавала, что сама во всем виновата.

Утро выдалось поистине великолепное. Она так быстро мчалась по лесам и перелескам, которые так любила, что забыла обо всем и даже на миг почувствовала себя счастливой.

Вскоре она оказалась на берегу лесного озера, которое было ее излюбленным местом, потому что она верила, что в нем живут русалки.

И только там Титания сообразила, что совершенно утратила счет времени. А ведь если она опоздает к молитве, ее ждут большие неприятности.

Поэтому она пришпорила Меркурия, торопясь вернуться как можно скорее.

Но, несмотря на все ее старания, переодевшись и сбежав вниз, она увидела, что двери столовой уже закрыты.

До нее донесся раскатистый и звучный, как иерихонская труба, голос дяди, читающего молитву, на что все те, кто слушал его, откликались уважительным «аминь».

И только когда из столовой начали один за другим выходить слуги, она прошмыгнула внутрь, сознавая, что сама навлекла на себя беду.

Однако, к ее невероятному облегчению, обошлось без долгих нотаций, которые ей непременно пришлось бы выслушать при обычных обстоятельствах.

Герцог, пребывая в необычайно благодушном расположении духа, занимался письмами, каковые, по обыкновению, были сложены рядом с его тарелкой после того, как их вскрыл и просмотрел секретарь.

Со счетами на оплату и просьбами о вспомоществовании вполне успешно разбирались в конторе, тогда как внимания герцога удостоивались исключительно приватные послания. Одно из них, вскрытое первым, он сейчас и читал со слабой улыбкой на тонких губах.

С другого конца стола на него с немой вопросом поглядывала герцогиня, но она была слишком умна, чтобы расспрашивать о содержимом письма прежде, чем он сам будет готов рассказать ей о нем.

Прямо напротив Титании, по правую руку от отца, сидела ее кузина леди Софи Брук, которая только что, к полному своему удовольствию, провела первый сезон¹ в Лондоне и, вне всякого сомнения, стала одной из самых выдающихся *debutantes*² этого года.

Герцог дал пышный бал в ее честь, а немного погодя намеревался устроить еще один, но уже в собственном поместье, Старбрук-холле.

На него будут приглашены все мало-мальски важные соседи, и Титания задавалась вопросом, дозволено ли ей будет побывать на нем.

На первый бал в Лондоне ее не взяли под тем предлогом, что она до сих пор носит траур по своим отцу и матери. Это было не совсем правдой, поскольку год, который обычно положен в подобных случаях, закончился уже три недели тому.

Титания была достаточно сообразительной, чтобы догадаться: дядя вовсе не желал, чтобы она появилась на балу в Лондоне.

И дело было не только в том, что он стыдился ее матери, но и в том, что сама она была куда красивее своей кузины.

Ни самомнение, ни тщеславие были Титании решительно не свойственны, хотя девушка отдавала себе отчет в том, что очень похожа на свою мать. И хотя семейство Старбруков повело себя чрезвычайно грубо и невежливо с ее отцом, лордом Рупертом Бруком, все остальные восхищались красотой ее матери.

Они прекрасно понимали, почему лорд Руперт влюбился в нее.

А герцог Старбрук во всем пошел в своего отца.

Пятый герцог был решительно настроен сохранить голубую кровь Старбруков незамутненной, каковой она оставалась на протяжении двух последних веков, и потому заключил договоренность о том, что сын его женится на принцессе Луизе Хьюдельбергской.

Княжество это было не то чтобы очень уж известным и значительным, но правящее семейство состояло в дальнем родстве с королевой Викторией³, и никто не посмел бы утверждать, что принцесса Луиза не годится в жены следующему герцогу.

К несчастью, второй сын, лорд Руперт Брук, расстроил отцовские планы.

Вопреки всему он женился на простолюдинке.

Однажды он отправился в Шотландию, дабы половить лосося, и остановился у старого друга, в поместье которого неизменно наслаждался свободой, каковой ему крайне не доставало дома.

Если ему хотелось прокатиться верхом, он садился на коня, и никто не поднимал из-за этого шума. Равным образом, если ему приходила блажь отправиться на рыбалку, он попросту выходил из замка и спускался к реке.

И помощникам рыболова или слугам было вовсе не обязательно сопровождать его, если только он сам не просил их об этом.

В общем, так уж получилось, что лорд Руперт предпочитал одиночество, особенно в Шотландии, где он отдыхал душой и телом после помпезности и излишней формальности, царивших в его собственном доме, как, впрочем, и в большинстве роскошных фамильных особняков, в которых ему доводилось бывать как гостю.

– Останавливаясь у меня, ты волен поступать и вести себя так, как тебе заблагорассудится, Руперт, – говорил ему друг.

¹ Лондонские сезоны – время года, когда семьи английских аристократов возвращались в Лондон после осенне-зимних каникул и принимали участие в парламентских заседаниях и светских мероприятиях с февраля по август. (*Здесь и далее примеч. пер., если не указано иное.*)

² *Debutante* (франц.) – девушка, впервые выходящая в свет.

³ Виктория (1819–1901) – королева Соединенного Королевства Великобритании и Ирландии с 20 июня 1837 года и до смерти. Викторианская эпоха стала периодом наибольшего расцвета Британской империи.

Лорду Руперту частенько приходила в голову мысль о том, что это были единственные каникулы в году, когда он мог оставаться самим собой и получать от этого удовольствие.

Его приятель, глава родовитого клана, был человеком несколько необычным, поскольку родился в Шотландии и в людях разбирался куда лучше любого англичанина.

В тот год, когда лорд Руперт приехал к нему с визитом в очередной раз, других гостей в замке не оказалось, и они с лэрдом⁴ проводили вечера за обсуждением тем, которые занимали обоих, как всегда бывало и в Оксфорде, где они учились вместе.

На следующее утро лорд Руперт в одиночестве отправился на реку ловить лосося. С собой он прихватил удочку и сачок, которым вываживал рыбу из реки и в котором намеревался отнести улов домой.

Он уже поймал двух лососей, как вдруг, к его невероятному изумлению, ему на крючок попала по-настоящему крупная рыба.

Она была больше любого лосося, которых ему доводилось видеть в реке, и он твердо решил не упустить ее. Он принялся вываживать ее, осторожно, но настойчиво, понимая, что она слишком тяжела и может запросто порвать леску.

Лосось заплыл в реку прямо из моря и потому сражался как лев, дабы вновь обрести свободу.

Битва была грозной, но лорд Руперт получал от нее несказанное удовольствие, намереваясь отнести домой свой большой улов и предъявить в качестве трофея, что сулило ему несомненные поздравления и дифирамбы.

Огромная рыба металась и выпрыгивала из воды, и лорд Руперт понемногу травил леску, все больше опасаясь, что лосось сорвется с крючка и уплывет.

Ему нужно было каким-то образом вытащить его из воды, поскольку сачок, который он взял с собой, был слишком мал, а принесенную острогу он по глупости оставил на берегу.

И вот, к своему облегчению, он вдруг заметил, что за ним наблюдают.

По тропе к реке, к тому месту, где он стоял, спускалась молодая женщина. Он не мог хорошенько рассмотреть ее, но беглый взгляд, брошенный в ту сторону, подсказал ему, что она остановилась у него за спиной.

Вместо этого он возвысил голос:

– Вы не могли бы помочь мне, сударыня?

– Да, разумеется, – отозвалась молодая женщина.

– Где-то на берегу лежит моя острога.

– Да, вижу.

Теперь, когда он заручился посторонней помощью, поимка лосося стала делом нескольких минут.

Девушка ловко ударила рыбину острогой и передала ее ему, поскольку добыча была слишком тяжела для нее.

Лосось оказался настоящим гигантом, никак не меньше двадцати фунтов. Лорд Руперт был уверен, что его приятель придет в восторг, поскольку такие рыбы в этой части реки были настоящей редкостью.

Лишь потом он перевел взгляд на девушку, которая помогала ему, и был поражен в самое сердце.

Ему улыбалась, поздравляя с успешной добычей, самая красивая женщина на земле, которую он когда-либо видел.

Красота ее отличалась от той, которую лорд Руперт привык видеть у женщин, с которыми судьба сводила его в Лондоне.

⁴ Лэрд – шотландский землевладелец, помещик.

Мужчиной он был весьма привлекательным, да еще и сыном герцога, и потому его без конца приглашали на балы и вечеринки, равно как и на все званые ужины при свечах, устраиваемые в Мэйфэйр⁵.

Но среди всех женщин, за которыми волочился он сам или которые преследовали его, лорд еще не встречал такой красавицы.

Впрочем, ему было бы трудно объяснить, чем она так уж отличается от прочих.

Ее личико в форме сердечка было очень юным и невинным.

Во взгляде ее огромных серых глаз, казалось, распахнувшихся на пол-лица, не было и тени флирта или кокетства. Напротив, в них таилось какое-то волшебство.

При этом она выглядела так, словно принадлежит реке и вересковым пустошам, а не тому миру, в котором жил он.

Одета она была опрятно и безыскусно, но лорд Руперт заметил, что в ее волосах, выбившихся из-под шляпки, проскальзывает рыжинка, и уверился в том, что в ее жилах течет шотландская кровь.

Тем не менее он еще не встречал шотландки, похожей на нее, и потому задался вопросом, уж не привиделась ли она ему.

Много позже, лишь узнав ее, он понял, что она была частью той мечты, что всегда жила в его сердце, но которую он уже отчаялся встретить в действительности.

Словом, лорд Руперт во все глаза смотрел на Иону, а Иона смотрела на него.

Между ними протянулась какая-то ниточка, установилась связь, которую нельзя было выразить словами или объяснить.

Они просто влюбились друг в друга с первого взгляда.

Лорд Руперт наотрез отказался подумать, о чем умолял его отец, и отложить день их свадьбы.

Они с Ионой обрели друг друга, и более ничто в мире не имело для них значения.

Отец лорда Руперта, старый герцог, пришел в ярость, хотя и признавал, что Иона – леди, а ее отец – уважаемый глава небольшого клана.

– Но они, – в бешенстве орал он на сына, – все равно недостаточно хороши для Старбруков!

Весьма сомнительно, впрочем, что лорд Руперт слышал или понимал то, что ему говорили, поскольку потерял голову от любви и лишь считал дни, оставшиеся до свадьбы с Ионой.

Он оказал собственному семейству должное уважение, пригласив ее вместе с ее родителями в Старбрук-холл еще до свадьбы.

Он вел себя как настоящий джентльмен, и старый герцог проявил вежливость по отношению к отцу и матери Ионы, но, оставшись с сыном наедине, вновь накричал на него.

– Хорошо-хорошо, она красива, не стану оспаривать очевидное! – бушевал герцог. – Но на протяжении вот уже многих веков Бруки женились на равных себе, а, что бы ты ни говорил, эта женщина тебе не ровня.

Когда Иона с родителями возвращались в Шотландию, лорд Руперт отправился вместе с ними, и они скромно обвенчались в церкви Кирка, где была крещена Иона.

Во время свадебного путешествия лорд Руперт сначала повез супругу в Париж, а уже оттуда – в Венецию, Афины и Каир. Он хотел, чтобы она повидала мир, и надеялся, что эта поездка развлечет ее так же, как неизменно очаровывала его самого.

Она наслаждалась каждым мгновением их медового месяца и всем, что им довелось повидать, с той же непосредственностью, с какой любила его.

⁵ Мэйфэйр – фешенебельный район Лондона.

Они настолько хорошо подходили друг другу, что инстинктивно понимали, о чем думает или чего хочет каждый.

Вскоре у них родилась Титания. Лорд Руперт и его жена обожали свою маленькую дочурку, и его нисколько не волновало, что Иона может более никогда не иметь детей.

В доме царили любовь и радость, поскольку родители были совершенно счастливы и души не чаяли в своем единственном ребенке.

Титания путешествовала вместе с ними и ночевала в странных местах. Иногда – в палатке или на спине верблюда.

Временами она сворачивалась в калачик между отцом и матерью прямо на открытом воздухе, когда они путешествовали по незнакомой местности и не могли найти подходящего места для ночлега.

Это был опыт такого рода, который привел бы в восторг большинство мальчишек, но девочки его отнюдь не приветствовали бы.

Но Титания от всего сердца наслаждалась каждой минутой, и для нее мир, состоявший из отца и матери, заключал в себе лишь любовь и безмерное счастье.

Потом лорд Руперт с супругой трагически погибли в железнодорожной катастрофе, возвращаясь домой после короткой поездки в Уэльс.

Для Титании это означало конец прежней жизни.

Так получилось, что за одну ночь она перестала быть ребенком: ее родители погибли, и она как будто сразу стала взрослой, столкнувшись со всеми неприятностями и бедами, ожидающими тех, кому пришлось взрослеть слишком быстро.

После похорон дядя приказал Титании собирать вещи.

– Ты будешь жить со мной в Старбрук-холле, – распорядился он.

Она пыталась уговорить его позволить ей остаться в доме, где родилась и выросла, ведь она была так счастлива здесь с отцом и матерью, но он коротко бросил ей, что это невозможно.

Впоследствии ей сообщили, что дом будет продан со всем его содержимым, причем девушке не разрешили оставить на память даже какой-нибудь маленький предмет обстановки, которую она так любила.

Лишь благодаря няне ей удалось сохранить кое-что из украшений и безделушек, коими так гордилась ее мать, и Титания спрятала их подальше от глаз дяди.

Собственно говоря, с собой в Старбрук-холл герцог позволил ей взять лишь няню, которая присматривала за ней с самого рождения – герцог неохотно проворчал, что она может стать горничной Титании, – и жеребца Меркурия, которого отец подарил ей годом ранее. Именно Меркурий вернул ее к жизни, поскольку теперь она могла ездить верхом по утрам.

Причина, по которой она была крайне несчастлива в Старбрук-холле, заключалась, мягко говоря, в моральной жестокости.

Ее родители были мертвы, но окружающие считали себя вправе постоянно тем или иным способом указывать ей на то, как дурно поступил ее отец, заключив столь невыгодный и недостойный его брак. В результате которого на свет появилась и она сама.

Нет, разумеется, они не говорили ей об этом прямо в лицо.

Но это явственно ощущалось в том, как они смотрели на нее, и в тоне голоса тетки, когда она разговаривала с ней.

Леди Софи была на год старше Титании и вскоре узнала, сколь умело кузина сооружает прическу и как чудесно вышивает гладью.

После этого Титания фактически превратилась в горничную на добровольных – и безвозмездных – началах.

Поначалу все было вполне невинно: «Титания, уложи мне волосы»; «Титания, почини эти кружева»; «Титания, принеси мою сумочку».

Титания оказалась куда расторопнее и способнее кого-либо из тех, кто ухаживал за Софи, и потому ее услуги требовались буквально ежечасно.

И лишь ранним утром она могла улизнуть и отправиться кататься на Меркурии, поскольку ее кузина любила спать допоздна.

Поскольку дядя полагал ее ничтожеством, сопровождения грума ей не требовалось.

Частенько Титания выбивалась из сил в попытках выполнить все требования Софи, но при этом у нее были и свои мгновения счастья.

Помимо езды верхом на Меркурии, она обнаружила в особняке библиотеку, в которой оказались и книги, составлявшие предмет гордости ее отца, но которые ей не позволили оставить себе, когда их дом был продан.

Кроме того, здесь было и множество других сочинений, которые отец читал еще в молодости, а потом цитировал дочери по памяти, когда они затевали одну из своих поучительных дискуссий.

Точно так же, как лорд Руперт разговаривал со своим другом-шотландцем, а потом и с Ионой, он разговаривал и со своей дочерью.

Он научил ее многому из того, что было не под силу любой горничной или гувернантке, а книги, которые она штудировала сначала в библиотеке отца, а потом и дяди, довершили ее образование.

Лорд Руперт в совершенстве владел многими языками, поскольку любил странствовать по свету.

Ему доставляло удовольствие разговаривать с маленькой Титанией по-французски, а потом и обучать ее правильному произношению, заставляя повторять слова за ним.

Точно так же дело обстояло и с другими наречиями, и, став старше, она обнаружила, что отцовская библиотека содержит великое множество книг на разных языках. Поскольку девушкой она была умной и сообразительной, то заставила себя прочесть их и попытаться понять, как поступила и ее мать, когда обнаружила, в чем заключаются интересы супруга, и решила во что бы то ни стало разделить их.

Крайне не нравилось ей в Старбрук-холле и то, что ни сама герцогиня, ни ее дочь никогда не говорили о чем-либо ином, кроме последних сплетен или газетных заметок об увеселительных мероприятиях в Лондоне.

Титания частенько думала, что если бы она не могла взять с собой в постель одну из книг из библиотеки, чтобы почитать ее перед сном, то, наверное, уже повредила бы рассудком от скуки.

Никто из членов семейства даже не подозревал, что она читает книги, которые наверняка понравились бы ее отцу, но которые, несомненно, были бы сочтены ненужными и непонятными любой другой молодой женщиной.

И в то же время она была одинока.

Только Меркурий мог слушать ее восторги по поводу того или иного исторического события, о котором она узнала минувшей ночью, или очередной древнегреческой поэмы, обнаруженной ею совершенно случайно и до сих пор всплывавшей в памяти, так что она полагала себя обязанной продекламировать ему отрывки из нее.

* * *

И вот, покончив с завтраком, Титания решила: ей необычайно повезло, что никто не стал сердито бранить ее за то, что она опоздала на молитву, хотя слова тетки жгли ее как огнем.

Дядя же ее обычно полагал непунктуальность смертным грехом.

Однако, упрекнув ее сегодня утром, он принялся читать письмо, лежавшее первым в стопке корреспонденции, и потому, очевидно, ему было более нечего сказать ей.

Она уже подумывала о том, как бы улизнуть из-за стола незамеченной, когда герцог провозгласил:

– Я должен сообщить вам кое-что такое, что, по моему мнению, удивит и обрадует всех вас.

– Как интригующе, – пробормотала герцогиня.

При этих словах она взглянула на свою дочь, и Софи, которая явно думала о чем-то своем, тут же повернула голову к отцу.

Титания поняла, что в данный момент выйти из комнаты ей не удастся, и потому застыла в ожидании новостей, которые намеревался поведать им герцог.

– Я только что получил, – начал он, вновь водружая на нос очки, – письмо из Велидоса⁶, каковое, как мне представляется, чрезвычайно заинтересует всех вас.

Титания тут же вспомнила, как месяц тому кронпринц Фридрих Велидосский останавливался у них в ходе своего визита в Лондон, где, очевидно, и свел знакомство с ее дядей, тетей и Софи.

Сама она, правда, сочла его ничем не примечательным и довольно скучным молодым человеком. Кроме того, было в нем и еще кое-что, что вызывало у нее откровенную неприязнь.

Титания, правда, затруднилась бы объяснить, в чем именно это «кое-что» выражалось, но от матери она унаследовала способность разбираться в людях и потому редко ошибалась, оценивая того или иного мужчину или женщину, с коими сводила ее судьба.

Словом, принц Фридрих ничуть ее не заинтересовал, и, вместо того чтобы расшаркиваться перед ним, она предпочитала попросту избегать его.

– Разумеется, мы все помним кронпринца, – заметила герцогиня. – Очаровательный молодой человек, к тому же обладающий приятными манерами, коих недостает многим англичанам.

Подобные ремарки были вполне в ее духе, особенно когда она сравнивала англичан со своими соотечественниками, причем последние, по ее словам, обладали всеми мыслимыми и немыслимыми талантами.

– И вот передо мной лежит письмо от кронпринца, – напыщенно продолжал герцог, – в котором он просит Софи как можно скорее прибыть в Велидос, где его брат-король, к полному его удовлетворению, дал согласие на их брак.

Герцогиня восторженно ахнула, а вот Титания буквально оцепенела от изумления.

Она даже не догадывалась или же попросту пропустила мимо ушей намеки на то, что кронпринц пожелал жениться на Софи и что ее дядя приложил все силы к тому, дабы устроить этот брак.

А тот, совершенно очевидно, был весьма доволен тем, что его дочь будет принята в королевскую семью, пусть даже и не слишком известную. Кроме того, поскольку жених был кронпринцем, существовала немалая вероятность того, что когда-нибудь он и сам взойдет на трон.

Герцог явно ожидал от дочери ответа на столь радостное известие, и Софи с жеманной улыбкой пропела:

– Новости просто замечательные, папа. И как скоро мы отправимся в Велидос?

⁶ Велидос – вымышленная страна на Балканах.

– Ты отправишься туда, дорогая моя, – поправил ее герцог. – Разумеется, твой будущий супруг пригласил твою мать и меня сопровождать тебя, но, боюсь, мои обязанности в Виндзорском замке не позволят мне отлучиться немедленно, чего он от меня ожидает.

Титания знала, что герцог с нетерпением ожидал своего дежурства в Виндзорском замке и что никто и ничто не в силах помешать этому.

По тем обрывкам разговоров, что долетали до нее, она заключила, что его обязанности перешли к нему по наследству и он не имел ни малейшего намерения отказываться от них или же явить небрежение в их исполнении.

– Но если вы не поедете со мной, – горестно заявила Софи, – то мне будет очень страшно одной отправиться в чужую страну, языком которой я даже не владею.

– Я сказал, что не могу поехать сам, – язвительно отвечал герцог, – но твоя мать, разумеется, будет сопровождать тебя, а твой будущий супруг пишет в своем письме, что в твое распоряжение будет предоставлен кто-либо из членов кабинета⁷, равно как и две фрейлины, церемониймейстер и еще несколько членов королевского двора.

– Что ж, полагаю, все это прекрасно, но я буду скучать по вас, папа.

– И я буду скучать по тебе, дорогая моя, и очень сожалею о том, что не смогу присутствовать на твоей свадьбе, но ты должна постараться как можно скорее привезти своего супруга сюда, к нам, чтобы пострелять или поохотиться осенью, например.

Подобное предложение явно пришлось Софи по вкусу, как вдруг она устремила взгляд на другую сторону стола.

– А еще я возьму с собой Титанию, – высокомерно заявила она. – Никто не умеет так хорошо укладывать мои волосы, как она.

– Но я не могу уехать! – не раздумывая, воскликнула Титания.

– Почему это? – с раздражением спросила Софи.

– Потому что тогда мне придется расстаться с Меркурием, и к тому же я уверена, что в Веллосе и без меня хватает прекрасных парикмахерш.

– Это все глупости, – вмешалась в разговор герцогиня. – Если твоя кузина желает, чтобы ты сопровождала ее, Титания, то ты непременно поедешь с ней и будешь считать себя счастливицей. Большинство девушек в твоем возрасте с превеликим удовольствием отправились бы за границу.

С этими словами она поднялась из-за стола, и Титания поняла, что спорить бесполезно.

Однако же сердце у нее упало. Если она покинет Англию, Меркурия и няню, которые единственные остались у нее от прежней жизни, что станет с ней в будущем?

А герцог, словно прочтя ее мысли, заявил:

– Ты отправишься вместе со своей кузиной, Титания, и, как говорит твоя тетя, должна считать, что тебе очень повезло. А когда Софи обустроится на новом месте, на что понадобится примерно полгода или год, ты вернешься обратно, и я подберу тебе подходящего мужа.

Он немного помолчал, прежде чем продолжить:

– К несчастью, едва ли им окажется какой-либо представитель знатного рода, учитывая, сколь неудачный союз заключил твой отец. Но, по крайней мере, у тебя будет то преимущество, что ты – моя племянница, а это само по себе значит очень много.

Титания тихонько вздохнула.

Она всегда опасалась, что когда-нибудь услышит от своего дяди подобные слова.

Еще когда он устраивал брак Софи и был решительно настроен выбрать ей в мужа кого-либо знатного и влиятельного, она понимала, что рано или поздно очередь дойдет и до нее.

⁷ Кабинет – здесь: правительство.

Но при этом она не имела ни малейшего намерения отдавать свои руку и сердце тому, кого выберет для нее дядя и кого она наверняка не будет любить.

Она хорошо помнила, как ее отец повторял снова и снова:

– Я самый счастливый человек на земле, Титания, потому что женился на твоей матери, которую искренне люблю и которая любит меня. Меня не заставили жениться на какой-нибудь глупой особе, которой нужен был лишь мой титул.

При этих словах отец рассмеялся, после чего добавил:

– Твоя мать для меня – царица любви и принцесса счастья. И найдется ли на свете мужчина, коему требуется родословная древнее?

Титания улыбнулась ему и тогда же решила, что, выйдя замуж, станет такой же счастливой, как ее отец и мать.

Стоило отцу отлучиться хотя бы на денек, как мать с нетерпением ожидала его возвращения и, заслышав, как он переступает порог, бежала к нему навстречу и обнимала за шею обеими руками, притягивая его голову к себе.

– Ты вернулся! Ах, любимый... как сильно... я по тебе скучала.

В ушах Титании прозвучал голос матери, произносящей эти слова.

– И я скучал по тебе, драгоценная моя, – неизменно отвечал отец.

После этого он страстно целовал мать.

Вот это была любовь!

Вот что значит жить с тем, кого любишь ты и кто любит тебя.

Именно об этом и мечтала Титания, пусть даже ей суждено остаться старой девой до самой смерти, но она понимала, что объяснять это дяде бесполезно.

Ей придется подождать, пока он не выберет ей жениха, и тогда она проявит храбрость, настаивая на том, что не выйдет за него замуж.

При этом она прекрасно представляла себе, как разгневается герцог и насколько неприветливо и сварливо поведет себя тетка.

Впрочем, сейчас следовало думать не об этом.

Словно повинуясь велению отца, Титания поняла, что должна сопровождать Софи, пусть даже это означало расставание с Меркурием.

И поэтому она более ничего не сказала, а лишь молча вышла вслед за теткой и Софи из комнаты. И только когда они оказались снаружи и направились к холлу, Титания ускользнула прочь.

Пробежав по коридору, она поднялась по боковой лестнице сначала на второй этаж, а потом и на третий. Она так торопилась, что, оказавшись наверху, вынуждена была остановиться, дабы перевести дыхание.

Здесь Титания открыла дверь комнаты для рукоделия, в которой, как и рассчитывала, обнаружила свою няню.

Та была пожилой женщиной, поступившей в услужение леди Руперт после рождения Титании. Она всем сердцем полюбила маленькую девочку, заботу о которой ей поручили, и целиком посвятила себя этому.

В какой-то ужасный момент, после того как погибли ее отец и мать, Титания испугалась, что дядя не позволит няне сопровождать ее в Старбрук-холл.

– Няня будет не только присматривать за мной, – сказала она ему, – но и помогать белошвейке, если таковая у вас имеется. Она замечательно управляет иглой и ниткой, и мама всегда говорила, что другой такой мастерицы не найти.

К счастью, к этому времени белошвейка в Старбрук-холле уже состарилась, и герцогиня начала поговаривать о том, что им надо бы присмотреть себе новую.

Поэтому няня отправилась вместе с Титанией, отчего разлука девушки с родным домом прошла немного легче, чем можно было ожидать.

Итак, она отворила дверь комнаты для рукоделия, где, как и рассчитывала, обнаружила няню сидящей подле окна и штопающей наволочку.

Девушка бросилась к ней и, прежде чем няня успела хотя бы пошевелиться, обхватила ее обеими руками за шею.

– Ох, няня, няня! – вскричала она. – *Случилось нечто ужасное!*

– Что, милая моя? – спросила няня. – Что тебя так расстроило?

– Софи должна выйти замуж... за принца Велидоса, – всхлипнула Титания, – и мне предстоит сопровождать ее... только потому, что я умею укладывать ей волосы.

Няня ничего не сказала и лишь крепче прижала к себе Титанию.

– Но как же я могу уехать и оставить... Меркурия? – захлебываясь слезами, продолжала Титания. – И как я могу оставить... тебя? Дядя Эдвард говорит, что я смогу... вернуться после того, как Софи обустроится на новом месте, но только потому, что он... намерен найти мне... мужа. Ох, няня, я не знаю, что мне делать.

– Быть может, все будет не так плохо, как ты ожидаешь, дитя мое, – принялась успокаивать ее няня. – Кроме того, тебе полезно сменить обстановку и побывать за границей, как раньше, с твоими мамой и папой. Тебе ведь это очень нравилось.

– Но ведь тогда... я была с ними... а не с Софи.

– Видишь ли, никогда нельзя знать заранее, что интересного ты можешь там увидеть, а я напому его светлости, что ты можешь вернуться домой после того, как ее милость обвыкнется на новом месте.

Титания смахнула с глаз слезы.

– Наверное, ты сочтешь... меня глупой, няня, но я потеряла... маму и папу... и дом, в котором была так счастлива, а теперь мне предстоит... потерять еще и тебя... и Меркурия. У меня не осталось ничего... *совсем ничего.*

– Знаешь, что я сейчас сделаю? – рассудительно предложила няня. – Я приготовлю тебе чашечку чаю, и тебе сразу же станет лучше.

– Нет, спасибо. Я только что позавтракала. И я хочу совсем не чаю, няня... я хочу вернуться обратно... в наш маленький домик... где мы были... так счастливы вместе.

– Время нельзя повернуть назад, милая моя, это не удавалось еще никому. Но поездка туда, где ее милость выйдет замуж, станет для тебя новым событием, которое может оказаться волнующим и приятным.

– Очень в этом сомневаюсь, – шмыгнула носом Титания. – Папа всегда посмеивался над этими маленькими балканскими странами и говорил, что все они одинаковые и что он предпочел бы вскарабкаться на Гималаи... или пересечь пустыню Сахару.

– Это очень похоже на твоего отца, и, судя по тому, что я слышала об этой Сахаре, там очень жарко и сухо и нужно пройти много-много миль, чтобы найти хотя бы глоток воды.

Титания рассмеялась, чего и добивалась няня.

– Ох, няня, ты всегда видишь во всем светлую сторону! Если бы не возможность поговорить с тобой и, конечно же, с Меркурием, который, правда, не может ответить, я бы чувствовала себя совсем несчастной... и каждую ночь... засыпала бы в слезах.

– Что было бы с твоей стороны очень глупо, – упрекнула ее няня, – потому что тогда ты выглядела бы дурнушкой с покрасневшими глазами. А теперь послушай меня. Когда ты приедешь туда, наверняка найдешь что-нибудь забавное, и, кто знает, быть может, твой отец – упокой Господи его душу – сделает так, что ты перестанешь чувствовать себя несчастной.

Титания вновь рассмеялась, и смех ее звонкими серебристыми колокольчиками рассыпался по комнате.

– Ох, няня! Дорогая моя няня! Ты всегда умела подбодрить меня, и, разумеется, ты права. Да, пожалуй, это будет славно – уехать отсюда и более не выслушивать каждодневные упреки в том, что папа совершил большую ошибку, женившись на маме.

– Ее действительно послал ему сам Господь Бог, – сказала няня, – и твой отец всегда считал ее даром Небес. Никогда за всю свою жизнь я не видела человека счастливее, а ты просто помни об этом, когда они опять начнут говорить тебе всякие гадости.

– В общем-то, они говорят не совсем так, – ответила Титания. – Все дело в том, как они смотрят на меня и каким тоном обращаются, словно нашли меня в сточной канаве.

Няня легонько встряхнула ее.

– Ты не должна так говорить. Я всегда учила тебя, даже когда ты была совсем еще крошкой, во всем видеть светлую сторону, а в людях – только хорошее. Если они люди неприятные и сварливые, то им от этого гораздо хуже, чем тебе. Никогда не забывай об этом.

– Ах, няня, если бы ты только знала, как я тебя люблю! Если мне и впрямь придется уехать, обещаю, что будешь писать мне каждый день, рассказывать, как поживает Меркурий, и смешить всякими историями, иначе я буду просто сидеть и плакать, пока не вернусь домой.

– Нет, ты не станешь делать ничего подобного. Твой отец очень рассердился бы, узнав об этом.

Титания на мгновение задумалась, а потом сказала:

– Ты права, няня, он бы устыдился меня, если бы я убежала от настоящего приключения! А ведь именно это меня и ждет. А если мне придется задержаться там дольше чем на полгода, то я на коленях приползу к королю и стану умолять его позволить тебе приехать ко мне.

– Чему-чему, а этому не бывать, – пробормотала себе под нос няня.

Она достала чистый носовой платок, вытерла им слезы Титании, после чего посмотрела на часы.

– Если хочешь знать мое мнение, – сказала она, – то ее милость уже наверняка желает, чтобы ты кое-что для нее сделала, и поднимет шум, если ты не явишься сию же минуту.

– Да, няня, – со вздохом согласилась Титания. – Пожалуй, мне и впрямь пора сойти вниз и узнать, что от меня требуется. Теперь-то я понимаю, почему, будучи в Лондоне, мы только и делали, что ходили по магазинам. А я все никак не могла взять в толк, к чему ей столько нарядов.

– Они станут ее приданым. И я совершенно уверена в том, что до вашего отъезда мне придется перешивать их все.

Титания расцеловала старушку в обе щеки.

– Я люблю тебя, няня. Ты всегда заставляешь меня смеяться, когда мне хочется плакать.

– Как я уже много раз говорила тебе, милая, ни одна женщина не может выглядеть хорошо с припухшими и покрасневшими глазами. Да и слезами горю не поможешь.

Титания вновь поцеловала ее.

– Я сойду вниз с улыбкой, – решительно заявила она, – и буду уверять себя, хоть это и неправда, что хочу поехать в Велидос.

С этими словами она выбежала из комнаты.

А няня глубоко вздохнула и вновь опустилась на прежнее место.

Пожалуй, она куда лучше самой Титании сознавала, сколько страданий выпало на долю девушки. А ведь совсем недавно она лишилась отца и матери, а в придачу – и дома, где была так счастлива.

Но хуже всего было то, что она жила там, где ее полагали нежеланной гостьей.

Здесь не было любви. Одна лишь помпезная и нарочитая кичливость собственной голубой кровью и огромное самомнение.

«В конце концов, – сказала себе няня, – несмотря на все высокомерие и спесь его светлости, какого бы цвета ни была их кровь, она течет, как и у простых смертных, если хорошенько уколоть их!»

С этой мыслью она вновь взялась за шитье.

Глава вторая

На протяжении следующих нескольких дней Старбрук-холл напоминал растревоженный улей.

С Софи приключилась истерика, поскольку приданое не доставило ей того удовольствия, на которое она рассчитывала, и она настояла на том, чтобы отправиться в Лондон для очередной примерки своего свадебного платья.

Для Титании это время стало настоящим отдохновением, поскольку она могла ездить верхом столько, сколько пожелает, и некому было чуть ли не ежеминутно давать ей новые поручения.

Однако по мере приближения даты отъезда в Велидос ее все сильнее одолевали дурные предчувствия. Одно дело – ездить за границу с отцом и матерью, которых она любила, и совсем другое – отправиться туда же вместе с Софи, которая обращалась с ней как со служанкой.

От герцогини Титания узнала, что Софи будут предоставлены две фрейлины из Велидоса, а сама она станет третьей и, очевидно, подчиненной первым двум.

– Ну, и что мне теперь делать? – с горечью обратилась она с вопросом к няне. – Как я могу уехать туда, где мне даже не с кем будет поговорить и где я никого не заинтересую как личность?

– Полагаю, ты сама удивишься, когда увидишь, как много людей проявляют к тебе интерес, – успокоила ее няня. – Ты же помнишь, как твои родители неизменно заводили друзей в чужих краях, где до той поры не видели ни одного англичанина.

Немного помолчав, она добавила:

– Я знаю, что ты должна будешь сделать, милая. Правда заключается в том, что тебе надо научиться местному наречию до того, как ты попадешь туда.

Глаза у Титании радостно заблестели.

– Ох, няня, – вскричала она, – ты такая умная! Я думала, что легко овладею языком, едва только окажусь в этом Велидосе. Но если я смогу разговаривать на нем еще до своего приезда туда, то это, разумеется, очень поможет мне.

– Тебе это будет нетрудно, учитывая, со сколькими чужеземцами тебе уже приходилось общаться. Твой отец всегда говорил, что ты, так же как и он, можешь заставить понять себя в любом незнакомом месте.

– А вот теперь ты уже льстишь мне, но, разумеется, мне очень не хочется расставаться с тобой и Меркурием.

– Не унывай. Быть может, случится что-нибудь такое, что позволит тебе вернуться. Ты должна довериться Господу в том, что он позаботится о тебе или, если на то пошло, своим отцу с матерью. Где бы они сейчас ни были, они думают и молятся о тебе.

– Я в этом нисколько не сомневаюсь, – согласилась Титания. – А если я попаду в беду, то поговорю с папой и попрошу его наставить меня, как он делал раньше, когда был жив.

– Так и поступай, и вскоре сама увидишь, что так или иначе все устроится наилучшим образом.

Няня поддерживала Титанию как могла, стараясь внушить девушке оптимизм и уверенность, но, оставшись одна, давала волю беспокойству. Она-то знала, сколь неприветливо вели себя по отношению к Титании герцог и герцогиня, а уж леди Софи, по ее мнению, вообще обращалась с ней как с бессловесной рабыней.

Впрочем, тут няня ничем не могла ей помочь и лишь пообещала Титании, что будет писать ей и рассказывать, как поживает Меркурий.

Пока Софи оставалась в Лондоне, Титания проводила в седле каждую свободную минуту, но, когда кузина вернулась, все только и говорили, что о нарядах да украшениях, и, как и предсказывала няня, в самую последнюю минуту выяснилось, что добрая дюжина туалетов нуждается в срочной переделке.

Герцог добился аудиенции у королевы Виктории, и ее величество милостиво повелела, чтобы в распоряжение Софи и ее свадебного эскорта, каковой включал и герцогиню, был предоставлен броненосец, который и доставит их в Велидос.

Титания частенько обсуждала с отцом политическую ситуацию на Балканах и потому сразу же поняла, что королева воспользовалась прекрасной возможностью лишний раз продемонстрировать миру силу и мощь Великобритании.

Следуя совету няни, Титания пробралась в библиотеку и постаралась прочитать все, что смогла в ней найти, о Велидосе.

Страна располагалась на побережье Эгейского моря к северу от Греции, а это означало, что в ее языке окажется много греческих слов.

Облегчало задачу и то, что она кое-как могла объясняться на нескольких балканских языках, поскольку неоднократно бывала в тамошних странах с отцом и матерью.

Но, разумеется, самым полезным оказался словарь языка Велидоса, обнаруженный ею в библиотеке, и Титания мельком подумала, не отыщется ли в Англии хоть кто-нибудь, умеющий говорить на нем.

Поэтому она предложила Софи нанять преподавателя.

– Он мог бы обучить нас, – заявила она, – хотя бы основам языка.

– Вот еще! Почему это я должна забивать себе голову их дурацким языком? – презрительно спросила Софи. – Фридрих прекрасно говорит по-английски, и он рассказывал мне, что большинство обитателей дворца вполне сносно владеют им.

– Но ты же захочешь пообщаться с людьми в городах, – возразила Титания, – да и в сельской местности тоже.

– Если они не знают английского, – заявила в ответ Софи, – то мне не о чем с ними говорить. Только и всего.

Титания предпочла оставить свои мысли при себе.

Тем не менее она продолжила поиски любых упоминаний о Велидосе в библиотеке, что было не так-то просто, а поскольку спросить о том, что имеется в наличии, ей было некого, то и добиться сколь-нибудь существенных успехов за короткий промежуток времени не представлялось возможным.

Герцог устраивал брак своей дочери с благословения королевы Виктории и короля Велидоса Алексиса.

Король благосклонно отнесся к тому, что герцог не стал откладывать свадьбу Софи, которая должна была состояться в стране, отныне становящейся для нее второй родиной.

Кронпринц, по всей видимости, тоже сгорал от нетерпения и писал, что все приготовления к торжественной церемонии завершены.

Две фрейлины, коим предстояло сопровождать леди Софи, прибывали в Англию десятого мая и уже на следующий день должны были отплыть обратно на британском броненосце.

Герцогиня вздумала было протестовать, что собраться и подготовиться в столь короткие сроки решительно невозможно, но герцог пропустил ее стенания мимо ушей, что означало лишь одно: у Титании и няни прибавилось работы.

Обитатели Старбрук-холла пребывали в состоянии крайнего раздражения. Софи постоянно жаловалась, что у нее мало нарядов, что ее шляпки недостаточно пышные и что она решительно не успевает подготовиться к отплытию одиннадцатого мая.

Впрочем, никто не обращал на нее ни малейшего внимания, и единственной, кому приходилось выслушивать ее жалобы, стала Титания.

При этом, за исключением няни, никого не беспокоило, имеется ли в наличии подходящая одежда у самой Титании, но старушка в конце концов настояла, чтобы они заказали несколько платьев из Лондона. Титания купила их в магазине, которому отдавала предпочтение ее мать, пока была жива.

После того как она переселилась к дяде в его поместье Старбрук-холл, он взял на себя управление ее финансами.

В завещании ее отец отписал дочери все, чем располагал; кроме того, были ведь еще и деньги, которые герцог выручил от продажи ее дома.

Средства эти лежали в банке, но Титании не разрешалось их тратить, и она не могла даже выписать чек без разрешения дяди.

Вот и сейчас она отправилась к нему в кабинет со счетами на платья, которые собиралась, по настоянию няни, взять с собой. Дядя, критически осмотрев их, заявил, что считает эти покупки пустой тратой огромных денег.

– Я полагал, что уж для тебя-то твоя няня могла бы и сшить платье, – язвительно заметил он.

– Няня всегда шила мне повседневные платья, в которых я и хожу, – ответила Титания, – включая, разумеется, блузки и юбки. Но она думает, что у меня должны быть и выходные платья на тот случай, если мне придется присутствовать на каком-либо важном мероприятии вместе с Софи.

– Полагаю подобное развитие событий крайне маловероятным, – холодно обронил герцог, – хотя, разумеется, никогда нельзя знать заранее, как поведут себя чужестранцы.

Он разговаривал с ней со столь неприкрытым презрением, что Титания с трудом удержалась от того, чтобы не заявить ему, что у ее отца было много друзей из других стран.

Она отчаянно надеялась, что сумеет обзавестись друзьями в Велидосе, и вполне отдавала себе отчет в том, что дядя намерен и впредь держать ее на положении служанки из-за, как он полагал, ее низкого рождения.

С большой неохотой герцог все-таки нацарапал свои инициалы на счетах, которые предоставила ему Титания, а это означало, что они будут оплачены его секретарем.

Затем Титания заявила:

– Дядя Эдвард, если я поеду в Велидос, мне понадобятся наличные деньги.

– Для чего? – осведомился герцог.

– Быть может, мне придется приобрести там какие-либо предметы первой необходимости, или дать на чай слугам, или сделать презент людям, которые отнесутся ко мне с добротой и благожелательностью.

– Я бы полагал, что в этом решительно нет никакой необходимости, – строго одернул ее герцог. – Какая именно сумма тебе требуется?

Титания задумалась на мгновение.

– Я бы хотела, чтобы вы перевели тысячу фунтов на банковский счет в Велидосе. Если же вы полагаете эту сумму чрезмерной, то хотя бы пятьсот фунтов.

Герцог с размаху опустил кулак на стол.

– Что за вздор! – вскипел он. – Ни одна женщина твоего возраста и подумать не смела бы о том, чтобы известить такие деньги на всякие пустяки. У тебя будет стол и кров, и потому совершенно неразумно тратить сбережения, кои следует приберечь на черный день в старости.

Титания сделала глубокий вдох и негромко сказала:

– Это *мои* деньги, дядя Эдвард, и я решительно отказываюсь ехать в Велидос, не имея в кармане ни гроша, а потом вымаливать у чужаков средства на то, чего я не привезла с собой.

Дядя в бешенстве возрился на нее.

– Ты можешь полагать эти деньги своими, потому что тебе их оставил твой отец, но кто дал их ему изначально? Я, потому что я – глава семьи, а тебе известно или, по крайней мере, должно быть известно, что в аристократических семьях, подобным нашей, именно глава семьи распоряжается финансовыми средствами, выделяя их в том количестве, которое полагает нужным, для членов семьи, находящихся на его попечении.

Титания признавала, что он говорит правду.

Она часто думала, что дядя поступил крайне несправедливо, когда, унаследовав титул, выделил ее отцу содержание меньше того, которое сам получил от своего отца.

Но тогда лорд Руперт лишь равнодушно пожал плечами и сказал:

– Мой братец Эдвард всегда отличался мелочностью и скупостью. Так что я удивляюсь уже тому, что он выделил мне хоть что-то, и, уж во всяком случае, я не намерен на коленях умолять его дать мне больше.

Но, даже несмотря на скарденность и мелочность герцога, отец не испытывал недостатка в деньгах, поскольку крестная мать оставила его супруге весьма внушительную сумму.

Словом, ее отца никак нельзя было назвать богатым человеком, хотя по меркам Шотландии он считался состоятельным мужчиной.

И теперь Титания задумалась о том, не снести ли ей со своими шотландскими родственниками – быть может, они пригласят ее пожить у них, избавив таким образом от необходимости ехать в Велидос, но потом девушка сообразила, что если она хотя бы заикнется об этом, то разразится жуткий скандал.

Вместо этого она покорно взмолилась:

– Прошу вас, дядя Эдвард, дайте мне пятьсот фунтов, чтобы я могла положить их на счет в каком-нибудь банке в Велидосе. Обещаю вам, что буду очень бережлива в своих расходах. Я просто хочу чувствовать себя в безопасности в чужой стране.

Ворча себе под нос нечто нелицеприятное, герцог в конце концов согласился, и Титания ушла от него, сознавая, что одержала победу в нелегкой битве.

В дорогу ее собирала няня, уложившая в сундуки массу полезных вещей, которые, по ее мнению, непременно пригодятся Титании на новом месте и которые ее воспитанница ни за что бы не догадалась взять сама.

Кроме того, няня сшила для нее два премиленьких повседневных платья и пообещала прислать еще несколько, как только закончит их.

– Я хочу, чтобы ты выглядела прилично среди чужих людей. Твоя мать всегда говорила, что чужеземцы почитают англичан неряшливыми и безвкусно одетыми, и ты должна всеми силами избегать подобного о себе мнения.

– Я помню эти мамины слова, – отозвалась Титания, – и, разумеется, она права. За границей они действительно выглядят старомодными по сравнению с французами, которые наряжаются потрясающе элегантно, или итальянцами, кои приберегают самые изысканные и лучшие наряды для вечера.

– Ну, в том, что мы тебе купили, ты тоже будешь выглядеть изысканно и элегантно, – улыбнулась няня, – так что держи голову высоко, милая моя, и не позволяй никому смотреть на тебя сверху вниз. Ты ничем не хуже их, а то и много лучше, что, кстати, вполне относится и к леди Софи со всей ее манерностью и жеманностью.

Титания не смогла удержаться от смеха. Она знала, что няня недолюбливает Софи точно так же, как сама она герцогиню.

– Как бы мне хотелось, чтобы ты поехала со мной, няня! По крайней мере, мы могли бы вволю посмеяться над чем-нибудь забавным. Но теперь мне придется сохранять бесстраст-

ное выражение лица. Зато я буду писать тебе и рассказывать обо всем, что со мной происходит.

– Я буду ждать твоих писем, дитя мое, и сама стану писать тебе, и тогда мы обе будем думать, будто и не разлучались.

Тем не менее Титания с трудом удержалась от слез, когда настала пора прощаться сначала с Меркурием, а потом и с няней.

– Обещай мне, няня, – взмолилась она, – что ты будешь навещать Меркурия каждый день. Я знаю, он будет скучать по мне, и ты должна объяснить ему, что я постараюсь вернуться так быстро, как только смогу, чтобы просто быть с ним рядом.

– Я постараюсь сделать все, чтобы он меня понял, а ты волнуйся не о нем, а о себе, и получай удовольствие, пока ее милость будет изображать важную принцессу.

– Мне предстоит найти кого-нибудь, кто станет смеяться со мной вместе и не будет воспринимать происходящее слишком серьезно.

Но на душе у нее скребли кошки, когда она поцеловала на прощание няню и в последний раз обняла Меркурия.

После этого Титания села в экипаж, который должен был отвезти их в Лондон, где им предстояло погрузиться на броненосец, в ожидании стоявший на рейде и готовый доставить гостей со стороны невесты в Велидос.

Герцогиня при этом ясно дала понять Титании, что, пусть даже она и приходится ей племянницей, сама она полагает ее существом низшего порядка, и потому девушка не должна попадаться ей на глаза.

Когда герцогиня и Софи поднялись на борт, их встречал лично командир броненосца ее королевского величества «Победоносный», тогда как Титании пришлось плестись вслед за горничной теткой и лакеем, который нес ручную кладь.

На борту их приветствовали сначала командир, а потом и государственный министр⁸ Велидоса, коего прислали для того, дабы он сопровождал их вместе с двумя фрейлинами и шталмейстером.

Титания с первого же взгляда отметила, что обе фрейлины преклонного возраста отличаются невыразительной внешностью и несомненной напыщенностью и самомнением. Она поняла, что их выбрали для того, чтобы они сумели внушить Софи всю важность ее положения при дворе в качестве супруги кронпринца и научили ее вести себя во время свадебной церемонии.

Шталмейстером же оказался молодой человек, весьма похожий на грека, в глазах которого, как показалось Титании, поблескивали насмешливые искорки.

Но, к несчастью, Софи, стремясь произвести впечатление, никому не давала и рта раскрыть, а герцогиня уже начала жаловаться на недостатки путешествия на борту военного корабля.

Так получилось, что Титании и прежде доводилось бывать на многих военных кораблях, поскольку их командиры нередко приглашали ее отца подняться на борт в иностранных портах, где встретить англичанина было в диковинку.

Титания рассчитывала, что, как только Софи и тетка устроятся в отведенных для них каютах, сама она сможет невозбранно побродить по кораблю и исследовать его. Тем не менее она послушно держалась в тени, как ей и было приказано.

И только когда тетка и кухня ушли вниз, она вновь поднялась на палубу, где с ней заговорил шталмейстер:

– Вам не терпится отправиться в плавание, мисс Брук?

⁸ Государственный министр – здесь: первый заместитель министра соответствующего ведомства, член кабинета министров.

– Мне нравится выходить в море, – отозвалась Титания. – А еще я очень рада, что не страдаю морской болезнью.

– Если так, то плавание и впрямь будет необычным. Я еще ни разу не пересекал Бискайский залив без того, чтобы все до единой женщины на борту не заперлись в своих каютах. Титания рассмеялась.

– Уверю вас, со мной такого не случится.

Шталмейстер хорошо говорил по-английски и вел себя вполне дружелюбно, поэтому Титания обратилась к нему с вопросом:

– Вы не могли бы оказать мне одну услугу?

– Разумеется, я сделаю все, что в моих силах.

– Я хочу выучить язык вашей страны, – сообщила ему Титания, – и при этом не думаю, что это будет так уж трудно, поскольку я свободно говорю по-гречески и понимаю несколько балканских наречий.

Шталмейстер взглянул на нее с нескрываемым удивлением.

– Мне было приказано по возможности обучить леди Софи хотя бы азам нашего языка, но я и понятия не имел, что на борту окажется кто-либо, кто говорит по-гречески.

– Поскольку я еще никогда не слышала велидосского, прошу вас, скажите мне что-нибудь на своем родном языке.

Шталмейстер быстро произнес несколько совершенно непонятных фраз.

– Ну, и что же вы сказали? – осведомилась она.

– Я сказал: «Вы очень красивы, мисс Брук, и могли сойти к нам прямо с Олимпа, так что боги, которых вы оставили одних, наверняка будут скучать по вас».

Титания рассмеялась.

– Неудивительно, что я ничего не поняла. Благодарю вас за комплимент, но, поскольку мы, к несчастью, собираемся не на Олимп, то я хочу выучить как можно больше фраз на вашем языке.

– Очень хорошо, – ответил шталмейстер. – Назначим время для наших уроков?

– Разумеется, и я предлагаю, если вам это удобно, начать в одиннадцать часов утра, каким бы бурным ни оказалось море.

По лицу шталмейстера Титания поняла: он уверен, что она не появится на палубе, пока они будут пересекать Бискайский залив, и понадеялась, что сама не понадобится Софи в это время.

Когда же она вошла в каюту Софи, чтобы узнать, не требуется ли кухне чего-либо от нее, та резко заинтересовалась:

– Где ты была, Титания, и почему это ты не ухаживаешь за мной?

– Прости. Я смотрела, как корабль выходит из порта.

– Что ж, раз мама настояла на том, что Марта сначала распакует ее сундуки, ты можешь начать с моих, пока Марта не освободится.

Титания, не сказав ни слова, принялась разбирать дорожный несессер Софи. Но про себя она подумала, что Софи хотя бы ради приличия могла добавить «пожалуйста».

А уж слово «спасибо» кузина не употребляла никогда, что бы Титания для нее ни делала.

– Если и есть на свете что-либо, что я ненавижу более всего, – продолжала тем временем Софи, – так это плавание по морю. Я знаю, что со мной приключится приступ морской болезни, и потому чем раньше я прилягу, тем лучше.

И хотя Титания заверила ее, что в Ла-Манше шторма не будет, Софи настояла на том, чтобы лечь в постель.

– Я намерена оставаться здесь, – высокомерно заявила она, – вплоть до самого момента нашего прибытия, и спорить со мной бесполезно. Более того, у меня нет ни малейшего жела-

ния разговаривать с этими уродливыми старухами, которых прислали, дабы они составили мне компанию.

– Они – твои фрейлины, – предостерегла кузину Титания, – и могут обидеться, если ты откажешься общаться с ними.

– Ну и пусть. Как только я выйду замуж за Фридриха, они станут делать то, что я им скажу. В конце концов, будучи кронпринцем, он имеет очень большой вес в Велидосе.

– А как насчет короля? – осведомилась Титания.

Задавая этот вопрос, она вдруг подумала, что до сих пор о нем почти не вспоминали. Она знала, разумеется, что его зовут Алексиусом и что он приходится старшим братом Фридриху, который собирался жениться на Софи.

Но ни дядя, ни тетка ни словом не обмолвились о короле, что казалось Титании довольно странным.

Впрочем, она сказала себе, что ее любопытство сможет удовлетворить шталмейстер. Уж он-то, по крайней мере, выглядел вполне дружелюбно.

И если никто не помешает их занятиям, она сумеет расспросить его обо всем, что ее интересует.

Командир предоставил свою каюту в полное распоряжение Софи, и именно в ней они отужинали тем же вечером.

Ла-Манш, по которому сейчас шел корабль, был гладок и спокоен, как тот самый пресловутый деревенский пруд, решила Титания. Однако герцогиня заявила, что предпочитает столоваться в собственной каюте, а Софи и так уже лежала в постели.

Таким образом, за столом на ужин собрались командир, государственный министр, коего Титания сочла весьма обаятельным мужчиной, шталмейстер и обе фрейлины.

Дамы почти не говорили по-английски, зато свободно владели французским, что изрядно облегчило Титании общение с ними.

Командиру и двоим его собеседникам мужского пола было что сказать друг другу, и вскоре они заговорили о той роли, которую британские броненосцы сыграли в Средиземном море, а заодно и о том, есть ли смысл им и дальше, как несколько лет тому, нести службу и в Эгейском море.

Титания знала, что, когда русские задумали покорить Балканы и стали угрожать Константинополю, королева Виктория отправила к проливам пять броненосцев – тогда великий князь Николай вынужден был отозвать свои силы, потеряв при этом множество солдат.

Кроме того, ретирада стоила русским огромную сумму, а денег у них и так была не достача, потому они не осмелились провоцировать Великобританию на открытые военные действия.

Из-за того что Титания была женщиной, трое мужчин не предложили ей присоединиться к их разговору, но она внимательно прислушивалась к тому, о чем они говорили, находя предмет беседы чрезвычайно занимательным.

Ее отец и мать всегда разговаривали с ней на равных, посвящая в хитросплетения политической ситуации в разных уголках Европы и мира, в которых им довелось побывать.

Отчасти именно поэтому все разговоры в Старбрук-холле представлялись Титании скучными и решительно неинтересными.

Герцог, не отличавшийся красноречием, время от времени жаловался на фермеров и работников поместья, равно как и на исчезающую дичь, в чем, по его мнению, были повинны лесники и егеря, но, по крайней мере, следил за разведением своих лошадей.

Что до герцогини, то она все время стенала насчет слуг, разумеется, когда те не могли ее слышать. По ее словам выходило, что молодая прислуга отличалась фривольностью и бестолковостью, тогда как те, что постарше, попросту обленились.

От Титании не ожидали, что она присоединится к подобным разговорам, да у нее и самой не было к тому ни малейшего желания. Она с тоской вспоминала увлекательные беседы, которые вели дома ее родители, неизменно вовлекая в разговор и ее, равно как и побуждая высказать собственное мнение.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.